

УДК 39(571.53)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.30>

Древние этнические истоки образов Байкала и их современное прикладное значение в политике и бизнесе

А. Д. Карнышев, Е. А. Иванова, О. А. Карнышева*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Проводится лексический анализ редких источников потомков представителей государства хунну-саха, образцов бурят-монгольского и эвенкийского народных эпосов, с помощью которого демонстрируется, что образ Байкала прошел становление от осмысления его как северного и внутреннего моря, подобного многим ледовитым водоемам, до ассоциации его с источником богатств и средоточием оздоравливающих, сакральных и духовных ресурсов. Рассматривается, насколько обоснованы версия о пребывании Чингисхана на Байкале и острове Ольхон, а также упоминание в монгольских источниках о его захоронении у «большой воды Байгала». В политическом плане в статье отвергается тезис радикально настроенных китайских деятелей о том, что озеро Байкал было частью Китая, наоборот, обосновывается утверждение, что эти места не могли быть родными для китайских пленников хунну.

Ключевые слова: имидж Байкала, хунну, древние обитатели Прибайкалья, аборигенные народы, прибайкальские стихии, сакральные и духовные ресурсы, лексический анализ.

Для цитирования: Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Древние этнические истоки образов Байкала и их современное прикладное значение в политике и бизнесе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 41. С. 30–46. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.30>

Original article

Ancient Ethnic Origins of Baikal Images and Their Modern Applied Significance in Politics and Business

A. D. Karnyshev, E. A. Ivanova, O. A. Karnysheva*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The authors show that the image of Baikal has evolved from the concept of the northern and inner sea (tengiz) with its similarity to many ice ponds to the source of wealth and the center of healing, sacred and spiritual resources. The article considers to what extent the version about the stay of Chingiz Khan on Baikal and his island Olkhon, as well as the mention from Mongolian sources about the burial of this warrior at the “big water Baikal”. In political terms, the article rejects the thesis of radical Chinese figures that Lake Baikal was part of China, on the contrary, it shows that these places could not have been native to the Chinese Xiongnu captives: “ten years lived with barbarians in cruel captivity”.

Keywords: image of Baikal, Xiongnu, ancient inhabitants of Baikal, indigenous peoples, Baikal elements, sacred and spiritual resources, lexical analysis.

For citation: Karnyshev A.D., Ivanova E.A., Karnysheva O.A. Ancient Ethnic Origins of Baikal Images and Their Modern Applied Significance in Politics and Business. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 41, pp. 30-46. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.41.30> (in Russian)

Введение

Усиливающийся в мире интерес к Байкалу как источнику природных, экологических, эстетических и туристических ресурсов вряд ли может базироваться лишь на современных информационных технологиях, поскольку многих людей больше привлекают факты из истории, иллюстрирующие уникальность объектов ландшафтов, флоры и фауны «священного моря» и межэтнических отношений на его берегах. Кроме того, стародавние события могут лежать и лежат в основе значительного числа современных политических и межэтнических решений и коллизий. Поэтому методологией анализа вопроса, заключенного в заголовке статьи, является междисциплинарный подход, опирающийся на взаимодействие не утрачивающих самостоятельность дисциплин естественного и гуманитарного цикла при исследовании факторов формирования имиджа Байкала. Авторы стремятся найти как можно более ранние упоминания и первые размышления людей, знакомящихся с Байкалом, осваивающих байкальскую природу и/или одними из первых побывавших на его берегах. Своеобразие этнических и исторических подходов стимулирует определенные противоречия в осмыслении территориальной принадлежности и местных реалий озера-моря.

Забывтое наследство хунну

Скорее всего, самые древние упоминания о названии Байкала можно было бы найти в глазковской археологической культуре таежных племен охотников и рыболовов Восточной Сибири бронзового века – XVIII–XIII вв. до н. э. Согласно распространенной точке зрения, носители глазковской культуры были предками или монголоидных племен, или тунгусов (эвенков) и других тунгусо-маньчжурских народов. Культура эта распространена была в Прибайкалье, Приангарье, в верховьях реки Лены и в низовьях реки Селенги [18]. Название Байкала вполне могло бы быть «палеотопонимом» – именем географического объекта, смысловое значение которого не раскрывается в языках ныне живущих здесь народов и народностей, поскольку в историческом плане народы, давшие названия, являются ныне исчезнувшими или ушедшими в другие регионы, пришедшими в данный регион, но растворившимися среди местного населения и т. д. [12, с. 7]. Чуть ближе к современности название озера-моря можно вывести из реалий жизни народов государства хунну (гунны) и особенностей взаимодействия и взаимовлияния используемых в нем алтайских языков – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских [26]. Древние предки ряда современных народов – хунну (гунны – в европейской транскрипции, сюнну – в китайской) в последних веках I тыс. до н. э. и в начале I тыс. н. э. имели одним из центральноазиатских мест проживания восточную сторону озера Байкал [14, с. 472, 473]. Вблизи современного Улан-Удэ, на реке Селенге, впадающей в Байкал, с советского времени ведутся раскопки, как считается, в самом северном городе хунну, обитатели которого имели массу возможностей добираться до озера на плавучих средствах и «гу-жевым» транспортом – всего около 100 км расстояния, зимой по замерзшему руслу реки верхом на лошадях этот путь можно было преодолеть за несколько

часов. Племена хунну не понаслышке были знакомы с суровым и переменчивым климатом здешних мест и пользовались этим в своих целях. О такого рода фактах на примере взаимодействия с соседями-китайцами мы скажем чуть ниже, здесь же кратко остановимся на географических и климатических реалиях, которые так или иначе остались в языке и мифах народов, считающихся потомками хунну. В связи с распространенностью феноменов в этноязыке и наличием гипотез и легенд об «исходе» народа саха (якутов) от Байкала, стоит рассмотреть саха (якутскую) этимологию понятия. Важно, что, как считалось, якуты сохранили «все черты, присущие гуннам в целом», в то же время в их языке наблюдались тюркские и монгольские слова, а также слова других центральноазиатских племен [14, с. 472, 473]. Авторы энциклопедического справочника «Байкал: природа и люди» считают курыкан общими предками якутов и западных бурят, у которых «Байкал был священным геополитическим центром». Причем, по мнению авторов, якуты оказались более преемственными в отношении «священного моря»: «Именно в якутских “законсервированных” географических познаниях о Байкале мы обнаруживаем многое из того общего мировоззрения курыканов, которое частично видоизменилось у бурят» [3, с. 11]. Таким образом, можно предполагать, что название «Байкал» и важнейшие сведения о нем, скорее всего, «подхватили» менее древние, чем хунну, курыкане, являющиеся предками якутов и бурят.

У представителей якутского этноса наименование «Байгал» обозначает в первую очередь «полярное море, куда течет река Лена». При этом иногда они дополняют данное название эпитетом «муустаах», т. е. «ледяной». В основной своей массе «угнанные» китайцами из Центральной Азии в начале I тыс. н. э. хунну все же оставили своих потомков в здешних местах. Известные археологи России Б. Петри и А. Окладников, проводившие раскопки в Западном Прибайкалье, выявили, что во второй половине I и начале II тыс. н. э. здесь жили курыкане («гулигань» – по китайским летописям), которые были прямыми тюркоязычными предками якутов и даже бурят. Л. Гумилев отмечает: «Предки якутов в XI в. проникли в долину Лены из прибайкальских степей» [5, с. 260]. В «Википедии» курыканами представлена исчезнувшая племенная общность, обитавшая в низовьях Селенги, долине Баргузина, Тункинской долине, Приангарье и верховьях Лены. Народность упоминается в древнетюркских рунических надписях VII–VIII вв. н. э., порой с упоминанием «уч курыкан», т. е. «трех курыкан». По-видимому, это был союз трех племен, которые были основными и у хунну: тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских. В китайской летописи курыканы названы «гулигани» и охарактеризованы как небольшой народ, занимающийся скотоводством и даже поставляющий коней ко двору китайского императора. Некоторые исследователи уточняют, что курыкане были племенным союзом трех родов – тюрков-протоякутов, тунгусов (эвенков) и протобурят. Л. Гумилев и А. Малолетко доказывают, что в тюркской струе чувашского языка можно найти тюрко-монгольские параллели от времени более древнего, чем вторжение Батыя. Эти параллели демонстрируют, что тюркоязычные предки чувашей жили около (восточней) Байкала и заимствовали оттуда тунгусские слова [5, с. 78; 12, с. 190].

Автор известной книги по народной этимологии географических терминов Э. М. Мурзаев пишет, что якутское слово «Байягал», или «Баягал», переводится как «море, океан, обилие воды», и указывает на порожденную якутской формой трактовку слова у соседствующего тунгусо-маньчжурского народа – эвенков: «байга» – море. В частности, он показывает, что название Охотского моря у эвенков звучит как «Ламы bajaгала». «Слово ламу часто встречается в донесениях русских землепроходцев, под которым понимаются тихоокеанские и ледовитые моря, Байкал и даже реки Лена и Амур» [15, с. 66, 335]. В то же время на этот счет есть интересное свидетельство: «Под общим именем Ламы казаки долго путали в одно: Ледовитый океан, Лену, Байкал, Амур, наконец, Восточный океан» [19, с. 191]. У прибайкальских бурят существует полная форма для озера Байкал – Байгаал-Далай, в том смысле, что это обширный, большой водоем, как море (далай) [13; см. также 12].

Учитывая, что русские люди пришли в эти края уже после своих непосредственных контактов с тунгусами и якутами, версию о данной «ледовитой» трактовке названия можно считать весьма обоснованной («воды, в определенное время сковываемые льдом»). Тем более что в пользу такого происхождения названия свидетельствует наличие в Якутии немалого количества водоемов с названиями «Байгал», «Байхал», «Байагал» и т. п. С данной версией в созвучии находятся мнения исследователей из числа некоторых тюркоязычных народов: Бай-кюль – «богатое озеро». В. Серошевский приводит версию, что в главе о мифических сказаниях из истории Монголии, описанной Санан Сеценой, озеро названо «большою водою Байгала», и источник такого названия вполне можно увязать с якутским языком, хотя сам автор отдает приоритет названия бурятам и монголам [1, с. 190]. На наш взгляд, обе трактовки явно зависимы от древнего языка хунну и, по-видимому, курыкан.

Об особом отношении определенной части народа саха к образу Байкала существует интересное свидетельство – в сказании о доблестном витязе Эр Соготохе, воине хана Одуна, из поэтически переведенного, осовремененного богатырского якутского эпоса. В данном сказании близкий родственник Чингисхана, Эр Соготох, характеризуется верным своему господину, но при этом указывается, что он имел и более значимые ценности: Эр Соготох «любил больше жизни не хана, а Байкал – свою родину-море». Следуя исторической истине о судьбе якутского народа, герой эпоса уплывает по реке Лене на север. Эпос подчеркивает не только оздоравливающее от любых ран и недугов значение водных богатств озера, но и его сакральные миссии:

*...И, набравши воды из Байкала,
Ею бычий пузырь он наполнил –
Будет чем отогнать злого духа,
Будет чем окропить пепелище,
Будет чем освятить дом и память [20].*

Вне всякого сомнения, образ Байкала, начинающего выполнять такого рода мистические и духовные функции, был известен и близок аборигенным народам даже в древнее время. Из такого рода взглядов родились представле-

ния о Байкале как «месте силы», «источнике космической энергии». Прибайкальские шаманы, считающиеся в Сибири самыми эффективными, вырабатывали соответствующие «технологии» влияния на души людей. Размеры, несопоставимые с размером простого озера, наличие в нем огромных запасов рыбы и «морского зверя» – нерпы, громадные глубины, сакральные возможности и боязнь его стихии – все это закрепило за Байкалом название и образ «море», что стремились поддерживать все последующие поколения живущих у моря этносов. Одна из карт С. Ремезова из первого атласа Сибири, выпущенная в 1701 г., имеет название «Море Байкал».

Что касается непосредственно народа саха (якутов) – потомков хунну и курыкан, то высказываются мнения, что в начале II тыс. н. э. они ушли от Байкала по ряду причин, в том числе из-за серии крупных землетрясений. В их героических сказаниях – олонхо – есть такие строки:

*Морские волны взболтались,
Байкальские волны взбушевались;
На противоположной стороне долины
Провалились вершины утесов;
Вся долина запылала огнем молний [2, с. 31].*

О возможности древних людей видеть такого рода коллизии говорит гипотетически восстановленный учеными «прорыв» Ангара из Байкала более 10 тыс. лет назад, апокалипсис в районе нынешнего села Бугульдейка, свершившийся 5 тыс. лет назад и погубивший много местных жителей, и последующие не столь трагические события. В частности, землетрясение 1861 г. создало залив Провал, опустив под воду 190 кв. км степи и уничтожив дома и имущество более тысячи аборигенов. Стихийная непредсказуемость Байкала всегда пугала. Так, немало современных жителей, столкнувшись с не столь высокой сейсмичностью околбайкалья по серии землетрясений в 2020–2021 гг., испытало определенную панику.

Можно высказать и еще одно предположение. Материально людей, в то время ушедших от Байкала, с ним мало что связывало. С одной стороны, непосредственно у озера было мало степных мест, в которых можно было вести массовое скотоводство: только на острове Ольхон и в приольхонских низменностях, а также в долинах устья реки Селенги. С другой стороны, степняки-скотоводы не считали рыбу каким-то ценным продуктом питания, а наоборот, пренебрегали людьми, ее употреблявшими. В. Серошевский приводит в пример «высокомерного отношения древних якутов к рыболовам» высказывания: «Живет рыбой, точно бродяга-чужестранец», «Смердящий рыбац – последнее имя» [19, с. 187]. Байкал, кроме рыбы, был богат перелетными птицами, которые также могут быть продуктами питания, но скотоводы и к ним были в основном равнодушны. Кстати, к «суррогатам» мясной пищи негативно относились и монголы. «Монголы обычно не ели перелетных птиц и лишь в крайнем случае употребляли в пищу рыбу» [5, с. 292]. Такой менталитет, на наш взгляд, может служить критерием для определенных этнокультурных различий, о чем мы еще скажем.

Как на Байкале возникло пастбище Су У

На наш взгляд, гипотеза о потомственном родстве гуннов и некоторых аборигенных народов современной Восточной Сибири дает возможность остановиться на более давней версии о знании людьми имени Байкала и определенного отношения к нему, основанной на фактах противоборства и сотрудничества хунну и китайцев. Содержанием этой версии являются, во-первых, факты, что китайцы еще до Рождества Христова, в 119 г., разбив войска хунну вблизи Байкала, поднялись на Боргойский хребет и увидели озеро. Они якобы сами назвали водоем Бей Хай – «северное море» [2, с. 25–26], хотя резонней предположить, что китайцы не принесли имя, а заимствовали его у местных хунну.

Другой вариант, исторически близкий по времени, говорит о прибайкальских землях как о пастбищах китайца Сычень Су У, жизнеописание и поэтические образы которого существуют в древней литературе Поднебесной. Весьма существенно то, что современное напоминание и осмысление версии о «китайском наследстве Су У» стимулировал «великий кормчий» Китая Мао Цзэдун, который в молодости увлекался поэзией и даже сам писал стихи. Когда он в 1949 г. ехал в Москву на 70-летний юбилей И. Сталина по железной дороге, на одной из станций вблизи Байкала (скорее всего, на ст. Селенга или ст. Тимлюй) он отказался выходить на перрон. Сопровождающий «великого кормчего» советник Чэнь Бода спросил у вождя, почему он не появился на станции, на что Мао намекнул советнику о плохом знании им исторических фактов. И пояснил, что именно в этих местах в древние времена был пастухом китаец Сычень Су У со своими спутниками. В Поднебесной существуют версии, что этим своим поступком китайский вождь пытался показать принадлежность данных мест китайскому народу и что они были незаконно заняты Советским Союзом. Такие мнения нередко звучат в Поднебесной: для определенных категорий людей важно, чтобы китайцы начали чувствовать себя претендентами на место хозяев Байкала.

Для литераторов судьба Су У интересна не только в историческом плане, но и как объект романтизации. Войны с хунну велись в конце старой и в первые столетия новой эры. Согласно распространенной версии, Су У был посланником китайского императора У Ди, который вместе со своими спутниками примерно в 100 г. до н. э. должен был отрегулировать отношения с хунну. Правитель хунну предложил Су У встать на его сторону и предать родину, но Су У отказался и, несмотря на разные притеснения, не изменил своей стране. В конце концов чиновник был арестован и направлен в безлюдное место степей около Байкала, где пас скот и жил в хижине. В зимнее время, когда хунну не посылали ему пищи, он питался выкопанными корнями и пойманными полевыми мышами. Десять лет спустя у хунну появился правитель, который хотел мира с ханьцами. При новом ханьском императоре Чжаоди отношения Китая с сюнну наладились, и к новому китайскому послу тайно пробрался человек из бывшей свиты Су У и рассказал о судьбе последнего. Посол заявил руководству сюнну, что император Китая узнал о судьбе своего бывшего посла из письма, который привязанным к лапке принес гусь, случайно подстреленный на охоте. И посол потребовал освободить узника, чему

хан вынужден был подчиниться [10, с. 296; 17, с. 444]. Когда Су У прибыл в столицу Китая – Чанъань, его вышли встречать император, министры и жители города. Когда они увидели хилого, седого, но не сломленного духом человека, все были растроганы до слез. Су У получил подарки и земли, но продолжил жить скромно. Впоследствии Су У стал символом китайского чиновника с великой верой и непоколебимой волей, прошедшего тяжелейшие испытания природой Сибири. В книге Л. Н. Гумилева есть краткие сведения о трудной 19-летней жизни Су У в Сибири. Правда, Л. Гумилев приводит несколько иную версию освобождения Су У. Последний, по легенде, написал письмо и отправил его на крыльях перелетного гуся. Однако в Китае этого гуся подстрелил охотник, который затем и доставил письмо ко двору. Император, прочитав его, добился возвращения своего плененного посла [6, с. 143].

Приведенное обстоятельство внесло в восприятие судьбы Су У и мест, где он был в неволе, колоритные элементы художественного вымысла и конкретных сравнений. У поэта Ли Бо (701–762 гг.) есть стих «Су У», навеянный воспоминаниями и стихами друга Су У по плену полководца Ли Лина, провожавшего бывшего пленника в Китай. Часть из стиха мы приводим (перевод А. Гитовича):

*Десять лет он у варваров
Прожил в жестоком плену...
Пас овец он – Су У –
В чуждальном и диком краю,
Там в горах и степях,
Тосковал он о родине милой.
Ел он снег, проклиная
И голод, и долю свою,
Пил он воду из ям,
Если летняя жажда томила... [17, с. 137, 444].*

Именно благодаря личности и судьбе Су У в поэзии Древнего Китая появился образ гуся как источника реальной, а может, выдуманной информации о «потерявшемся», ушедшем в неведомое человеке. Вот пример из стиха «Давным-давно ушел мой муж в поход» (VII в., неизвестный автор):

*Гусей залетных про него спросить?..
В сиянье месяца печален стук вальков...*

А это из стихотворения поэта Ду Фу (712–770 гг.) «Дикие гуси возвращаются на север» (перевод А. Гитовича):

*Их уже мало осталось
На отмели тут,
Резко кричат они,
Перекликаясь на воле,
Ну а рассказ
О письме, что они принесут,
Все это, милая,
Глупая сказка, не более [17, с. 232-233].*

Или вот что писала Ли Цин-Чжао – поэтесса (XII в.):

Свет лунный над западной башней

И туч поредевшая стая,

Письмо мне

Не гусь ли доставит?

Кричит он,

В ночи пролетая... [23]

Естественно, отголоски романтической истории о Су У не могли не попасть в произведения азиатских краеведов. В. Серошевский – польский гражданин и исследователь, находящийся в ссылке среди народа саха в XIX в., издал солидную монографию «Якуты» и в ней затронул некоторые проблемы Байкала. Скорее всего, опираясь на «усеченную» (подретушированную) версию пребывания в байкальских краях Су У с товарищами, автор отмечает, что уже во времена династии Тан в VII в. н. э. наблюдается известность земель вокруг Байкала – «северного моря» (Бэй-Хай, Бай-Хай, Пе-хай) китайцам. Причем он подчеркивает, что зачастую эти места выступали в качестве ссылки для различных придворных лиц [19, с. 190]. В информации Серошевского важен момент, подтверждающий, что имя Байкала связано у китайцев с северной, географической и «ледовитой» трактовкой состояний вод.

В данном ракурсе нельзя обойти вниманием информацию и о параллелях в названии Байкала и китайского озера вблизи Пекина – Бэйхай – «северное море», которое существовало с X в. н. э. и «процветает» сегодня. М. Поло – итальянец, некоторое время входивший в окружение Хубилая – монгольского хана, внука Чингисхана, правившего Китаем во второй половине XIII в., отмечал, что в озеро хан приказал запустить много рыб, которыми питался по своим потребностям. В этих же местах Хубилай велел создать еще один свой прекрасный дворец. «Холм этот великий хан приказал покрыть лазуритом зеленым; и деревья тут зеленые, и гора зеленая, и все зеленое и зовется возвышенность Зеленым холмом. На вершине, посредине – дворец, большой, красивый и весь зеленый» [16, с. 151–152]. Но есть и другая версия: Хубилай, перенесший в Пекин столицу государства, приказал к западу от дворца, в императорском парке, вырыть (скорее, восстановить) два искусственных озера. На самом крупном из озер, так называемом северном море (Бэйхай), насыпали остров, символизировавший небесный чертог [11, с. 36–37]. Нельзя не упомянуть и гипотезу, что и Бэйхай, и остров на нем явились воплощением существовавших в душе Хубилая архетипов родины предков. И это вполне могли быть предания об одном из прекрасных мест его центральноазиатской прародины – озере Байкал и острове Ольхон. Ведь скала Шаманка на Ольхоне в представлениях бурят – одной из, как мы покажем чуть ниже, «ветвей» монголов – и была жилищем небесных богов тенгри. Также естественно предположить, что через атрибуты «северного моря» в императорском парке китайцы узнавали о существовании его далекого северного «тезки». Предположить такое психологически значимое действие позволяет факт, что внук Чингисхана, хан Хубилай, «велел засеять один из дворов своей резиденции степными травами, чтобы отдыхать в привычной обстановке» [5, с. 294].

И здесь очень кратко можно расшифровать еще одну причину претензий современных китайцев на байкальские территории. Дело в том, что, как мы ранее указывали, в Китае довольно значительное время правили маньчжурские и монгольские племена. А они, конечно, знали байкальские места лучше китайцев. Кстати, династия Цин, управлявшая Китаем с XVII в. вплоть до начала XX в. и участвовавшая в установлении границ между Китаем и Россией в 1727 г., была маньчжурской. Интересный комментарий об этом можно встретить у американского политика XX в., хорошо знающего Китай, Г. Киссинджера: «Два народа, которые завоевали Китай – монголы в тринадцатом веке и маньчжуры в семнадцатом, – вынуждены были принять основы китайской культуры, чтобы им стало проще управлять столь многочисленным населением, искренне убежденным в своем культурном превосходстве. Завоеватели в итоге оказались в значительной степени ассимилированы побежденным обществом, причем *со временем немалые части их родовых территорий стали восприниматься как исконно китайские*» (курсив наш. – Авт.) [9, с. 290].

Именно последнее обстоятельство, по-видимому, чуть не сыграло роковую для нашей страны роль при установлении границ между Россией и Китаем. Когда в 1726 г. китайские и российские дипломаты в Пекине длительное время решали вопрос о границе между двумя государствами, представители власти Поднебесной стремились вынудить посла С. Рагузинского уступить как можно больше территорий. Историк и генерал В. Андриевич в книге «Краткий очерк истории Забайкалья» так описывал некоторые «приемы» представителей Китая: «На требования китайских уполномоченных об установлении границей реки Ангары посол не мог согласиться и остался непреклонен, несмотря на угрозы и даже на лишения, которым его подвергали: ему и свите давали пить соленую воду» [1, с. 162]. Причем уже в «Инструкции графу Савве Владиславовичу», подготовленной до переговоров с китайцами, было предупреждение о былых и возможных происках: «...уповательно, и ему, графу Владиславичу, тоже сказано будет с уверением, будто река Ангара в стороне российской пограничная, то сию ложь всячески ему опровергать и доказывать, что все реки, в Ангару и Байкал текущие, составляют всегда правую сторону российского владения» [Там же, с. 249]. После бурных переговоров и конференции на реке Буре близ Кяхты в августе 1727 г. был подписан Буринский договор, согласно которому Китай отказался от любых претензий на владение землями около Байкала.

Близкую к приведенной выше версию о связях китайцев с Байкалом и его образами можно найти в интернете. Ввиду актуальности проблемы в целом приведем полную цитату, курсивом выделив в тексте фрагменты, которые, на наш взгляд, можно своеобразно комментировать. «Китайцы в древних хрониках именовали озеро “Ханьхай” или “Бэйхай” – “северное море”. При этом сведения о Северном море попали в китайские хроники из сообщений китайских послов, которых хунну ссылали на Байкал. Позднее в китайских географических трудах озеро стало упоминаться под названием “Бэйцзяэрху”, где “бэй” означает “раковина, богатство, сокровище, драгоценность”, “цзя” –

“прибавлять, увеличивать, превышать”, “эр” – суффикс, “хо” – озеро. Китайское Бэйцзяэрху таким образом в приблизительном переводе *означает “озеро, приумножающее богатство” или “озеро, увеличивающее (число) раковин”*. Акцент на последнее объясняется тем, что в древние времена в Китае раковины очень высоко ценились и зачастую заменяли собой денежные единицы». Комментируя выделенные фрагменты, обратим внимание, во-первых, на признание факта, что название «Байкал» пришло в Китай от сосланных хунну китайских послов. Эта версия полностью подтверждает уже изложенный в статье материал о Сычэнь Су У. Оценивая второй фрагмент, не стоит забывать, что на Байкале как пресноводном озере раковины небольшие, хрупкие и невзрачные, они не такие твердые, как в соленых морях, а потому их неудобно использовать в качестве денежных знаков. И здесь стоит вспомнить, что еще до одного названного древними народами «северным морем» – Охотского из Центрального Китая было гораздо легче добраться, чем до Байкала (по притокам Амура и по самому Амуру), а там раковины действительно могли приумножать богатство.

Говоря о современных способах увеличения богатства, можно кратко упомянуть, что для современного Китая в Байкальском регионе есть свои бизнес-интересы: прежде всего лесные и водные ресурсы, а также право собственности на различные объекты недвижимости. Например, китайцы планируют или разливать в бутылки байкальскую воду и доставлять на свою родину, или даже спроектировать и построить специальный водопровод. Для организации туристического бизнеса на Байкале предприниматели Поднебесной намечают создание ряда фирм, и это гораздо проще делать на приобретенной земле.

Истины и мифы сокровенных сказаний монголов

Упомянув в статье о связанных с монголами вариантах отношения китайцев к Байкалу, целесообразно более подробно остановиться на данных аспектах темы. Своеобразно относились к озеру эти близкие «заграничные» и отчасти внутренние соседи Байкала – монгольские народы. Скорее всего, монголы в силу их степного менталитета и предпочтений равнинных, а не горно-таежных мест долгое время без пиетета относились к расположенному в основном между высоких гор и тайги Байкалу. По крайней мере, в «Сокровенном сказании монголов» при перечислении родословной Чингисхана названы его предки по линии Борте-Чино, которые когда-то пришли в район Онон-реки, «переплыв Тенгис (внутреннее море)», т. е. практически не оценив скотоводческого значения небольших по площади околбайкальских равнин. Говоря современным языком, степи и лесные массивы Восточного Забайкалья в долинах рек Онон и Керулен были более обширны и удобны и для кочевого скотоводства, и для охоты на диких зверей. Не случайно Л. Гумилев признает, что «Ононский бор является прародиной монголов» [5, с. 263].

Среди родных хана называется Баргучжин-гоа из Хори-Туматской земли, в тексте также упоминаются река Селенга и другие местности у Байкала, но не само озеро [21, с. 3]. Стоит добавить, что в Восточном Забайкалье достаточно и пресных озер. Молодой Чингисхан, освобождая свою супругу Борте,

гонит Меркитский улус вниз по течению реки Селенги в страну Баргучжинскую. В дальнейшем среди значительного числа завоеванных «лесных народов» упоминаются буряты и хори-туматы, но опять-таки упоминаний о Байкале как родине данных народов не имеется [21, с. 43, 163]. Интересно, что, описывая местность Баргу, итальянский путешественник XIII в. М. Поло помещает ее на север от Каракорума (Монголия) и Алтая, и «тянется она на сорок дней». Через «сорок дней» пути от этой местности расположено море-океан (по мнению комментаторов, Северный Ледовитый океан). Жители Баргу, хотя и связаны с монголо-татарами, но все же живут в особых условиях. В книге Поло отмечается название народа – «мекри», который занимается скотоводством, в первую очередь оленеводством; олени в то же время являются главным транспортом. Что касается их нравов и обычаев, то они мало отличаются от норм других татаро-монгольских народов. Летом «мекри» охотятся на дичь, а зимой в их местах стоят сильные холода. «Нравы их и обычаи те же, что у татар; они великого хана. Ни хлеба, ни вина у них нет. Летом у них есть дичь, и они охотятся и на зверей, и на птиц; а зимою от великого холода там не живут ни зверь, ни птица» [16, с. 132]. В. Серошевский описывает приведенные факты следующим образом: «Марко Поло не дает Байкалу никаких названий; он помещает его на север от равнины Баргу, населенной меркитами, называет его «океаном» и говорит о соколах, кречетах и песцах (?), гнездящихся на его прибрежных скалах и островах» [19, с. 190]. Поскольку из изложения В. Серошевского выпали данные о сорокадневном пути до моря-океана от местности Баргу, встает вопрос, о чем конкретно говорит М. Поло: о реальном Северном море – океане или о Байкале. Ряд исследователей, как бы солидаризируясь с В. Серошевским, принимают данную версию, а именно: описывая в 1292 г. страну селенгинских меркитов, Марко Поло «упомянул и о “море-океане” в их пределах (Байкале), и о невероятном изобилии там “соколов-пилигримов”» [3, с. 12]. Не соглашаясь с такой постановкой вопроса, мы склоняемся к первому варианту по следующим причинам.

Во-первых, говоря о море-океане, Поло утверждает: «Место то, скажу вам по правде, так далеко на север, что северная звезда остается позади, к югу» [16, с. 133]. Стоит вспомнить географическую истину: если северная звезда – Большая Медведица хотя бы «нависает» над головой, то эта параллель гораздо северней байкальской широты. Во-вторых, в комментариях к приведенным М. Поло данным, соглашаясь с ним, современные исследователи сомневаются в отождествлении Баргу только с Байкальским регионом и с Забайкальем. Наоборот, они считают, что под Баргу М. Поло разумел как минимум Барабинскую степь и/или низменность, расстилающуюся между Иртышом и Енисеем [Там же, с. 410]. В-третьих, именно последнее уточнение позволяет понять, каким образом от Баргу можно было за 40 дней реально добраться до моря-океана: в одну сторону это легко было сделать по рекам Енисей, Обь и даже по Лене на лодках или на плотах. Несомненно то, что образ упомянутой М. Поло местности был связан и с климатической суровостью, непригодностью для массового степного скотоводства, но одновременно с возможностью

разводить и использовать оленей. Сегодня в таком ракурсе можно рассмотреть районы Северного Байкала, Эвенкии и севера Западной и Восточной Сибири. О специфике населения данного края так пишет М. Поло: «Питаются также птицами: здесь много озер, прудов, болот; равнина эта на север граничит с морем-океаном. Птицы, когда линяют, так пребывают в этих местах; когда же совсем оголеют, так и не могут летать, и их ловят тогда, сколько хотят. Едят также рыбу» [16, с. 411]. Берега Байкала имеют степные равнинные места только у устья Селенги, вблизи острова Ольхон и на самом Ольхоне, а на остальной береговой полосе – горы разной величины, не подходят под такое описание. Небольшая равнина на берегах Байкала есть только с восточной стороны. Поэтому озеро Байкал не отвечает предложенному описанию: «Равнина на север граничит с морем-океаном».

Признавая наличие связей монгольских народов с территориями у Байкала, нельзя забывать, что они не были однородным обществом, а имели некоторую этнотерриториальную специфику, в частности касающуюся и Байкала. В Приговоре бурят Агинской степной думы от 12.10.1893 процитировано следующее утверждение из «Землеведения Азии» Карла Риттера: «Горная страна Байкал, с берегами самого Байкальского озера и с более или менее удаленными окрестностями его составляет настоящее местопребывание той ветви Монгольского племени, которая носит название Бурят. С самых древних времен Монгольское племя, кажется, было разделено на три главные ветви: на собственно Монголов... на Калмыков или Элютов и на Бурят, Ойрат-Бурят, которых первобытною родиною, еще до времени Чингиз-Хана, была страна Байкальская» [24, с. 170]. Причем при встрече сотника-дипломата П. Бекетова с монгольским царевичем в 1652 г. монголы отмечали, что они часть своих территорий около самого озера, а также по долинам рек Ангары и Баргузин вместе с их жителями – бурятами и тунгусами – передали русским людям. Последний в ответ указал, что монгольский народ уступил русским значительную дань от тунгусских и бурятских племен, «которые живут около Байкалозера, и в Баргузинском острожке, и по Верхней Ангаре, и по Нижней Ангаре» [7, с. 125]. Именно в те времена буряты из названных местностей добровольно вошли в состав России и стали подчиняться указам ее властей. Монголия же до 1911 г. входила в империю Цин вместе с Республикой Тыва, которая в настоящее время является одной из автономных республик Российской Федерации. Ни одна из территорий Байкала в состав империи Цин не входила. Что касается непосредственно бурятских родов, то до прихода русских в Баргузинской долине жило племя баргутов, которое в XVI–XVII вв. переселилось в Северо-Восточный Китай. У баргутов были языковые, торгово-хозяйственные, брачно-родственные связи с бурятским племенем эхиритов, поскольку проживали они в непосредственной близости по двум берегам Байкала [4, с. 38–39].

Буряты, живущие по обоим берегам Байкала, имеют в своем фольклоре легенды и мифы о пребывании Чингисхана в этих местах. Одна из таких территорий называется Баргузинская степь, расположенная на северо-востоке озера. Степь, окруженная со всех сторон горами, как упоминают сокровенные сказания монголов, была местом рождения бабушки воителя, и он особо ценил

данные места. От баргузинской земли, утверждают легенды, Чингисхан переехал на остров Ольхон, что достаточно нетрудно было сделать поздней зимой и ранней весной по льду Байкала. Оригинальными являются легенды, утверждающие, что могила монгольского вождя расположена на горе у берега Байкала. Кстати, упоминание об этом факте есть и в книге В. Серошевского, которую мы уже неоднократно цитировали [19, с. 190]. У данной версии есть свои приверженцы, среди которых известный писатель и путешественник России В. Бурлак.

Эффект симбиоза пугал и очарований

Отражая в основном позиции азиатских народов в отношении имени и образа Байкала, не упустим возможности упомянуть несколько давних и современных нюансов, раскрывающих его с неожиданной стороны. Известный ученый Бурятия А. Тиваненко в своей книге «Вокруг Байкала» уже в конце 70-х гг. прошлого века опубликовал сведения из древней арабской книги XII в., в которой любимую сибиряками «жемчужину» называют Бахр-ал-Бака – «морем ужаса, находящимся в постоянном волнении и реве». И хотя вода этого моря прозрачна и приятна на вкус, в целом его берега, представляющие как бы сочетание двух рогов, ужасают своими стонами и разрушающими стихиями. В книге «Байкал: природа и люди» автор через много лет повторил эти свидетельства [3, с. 12]. Мотивы приведенных описаний со стороны древних арабов понятны: для них «море ужаса» пугало уже тем, что на определенное время оно замерзало и покрывалось льдом. Аналогично воспринимали Байкал многие выходцы из южных мест, а не только арабы. Но с другой стороны, в современную, мобильную, эпоху то, что вызывало в прошлом ужас или неприятие, может стать «объектами» повышенного интереса и вызывать позитивные эмоции своими контрастными сравнениями.

Не стоит забывать приведенные в начале статьи факты о землетрясениях и природных стихиях. Скорее всего, именно данные разрушительные возможности Байкала породили его отталкивающий образ. Целесообразно напомнить, что байкальские места были малонаселенными практически до прихода русских, которые в интеграции с аборигенными народами своим трудом и бытом усилили возможности преобразовывать этот Сибирский край.

О давних образах-жупелах «священного моря» можно было бы не говорить, но устрашающий имидж Байкала нередко встречается сегодня в зарубежной практике, подогреваемый разными коммерческими и конкурентными причинами, которые в последнее время не могли не обостриться в связи с рецидивами русофобии. Скорее всего, Байкалу в близком и не столь отдаленном будущем предстоит принимать незначительное количество туристов из стран Запада. К тому же азиатские места России и их жители в мыслях европейских обывателей очень часто ассоциируются с агрессией времен Чингисхана, а их культурному влиянию уделяется скромное место «татарского ига» [25, с. 81]. И организаторам туров на Байкал предстоит переориентироваться на туристов из восточных стран и предпочитаемые ими образы. Конечно, здесь важно учитывать восточные нюансы восприятия Байкала, о которых говорит настоящая статья.

Предстоит не только преодолевать разные «пугала», которые не давали хода восприятию пленительности байкальских мест, но и нарабатывать привлекательные метафоры его нового имиджа и бренда. Потенциал для этого сегодня есть. Известный исследователь «священного моря» начала XX в. А. Станиловский отмечал, что потомки, распроставшись с духовно бедной обстановкой прежнего времени, найдут немало творческих сил для воспевания Байкала [22, с. 104]. Его предсказания сбываются в настоящее время, и в это совместное творчество предстоит внести свой вклад и писателям, и музыкантам, и художникам, и ученым.

Заключение

Материалы статьи дают возможность сделать следующие обобщения. Во-первых, в политическом плане они отвергают тезис радикально настроенных китайских деятелей о том, что озеро Байкал было частью Китая, а показывают, что эти места не могли быть родными для пленников хунну: «Десять лет жил у варваров в жестоком плену». С другой стороны, важно помнить, что судьба Су У и организаторов его нелегкой жизни – первые в истории и поэзии образы жизни на байкальской территории, и уже этим она заслуживает внимания. Во-вторых, перед теми, кто работает над имиджем и брендом Байкала, возникает важная для туристической и межэтнической практики проблема: возможно, именно древние, архаичные элементы в образе «священного моря» станут побудителями для увеличения количества посещений Байкала? Ведь на земле существует немало мест, вызывающих глубокий интерес и острое желание побывать в них благодаря своей нетронутости, мало познанной истории, буйству стихий, даже некоторой экстремальности и наличию различных сложностей. Это можно реализовать, если сначала четко определиться с нетрадиционными, отпугивающими, рискованными элементами в имидже Байкала, увидеть их развитие от первых впечатлений до современных стереотипных суждений, как позитивных, так и негативных. На наш взгляд, именно в данном направлении необходимо сегодня работать для того, чтобы уникальные образы «священного озера» встраивались в душу, чувства и чаяния любого гражданина мира. На реализацию данных задач сориентирована данная статья, как и другие наши работы [8; 27–29].

Список литературы

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 г. М. : Вече, 2013. 288 с.
2. Антология Провала: исторические материалы о катастрофическом Цаганском землетрясении 1862 г. – Провале на Байкале / авт.-сост. Э. В. Демин. Улан-Удэ : Адм. Кабан. р-на Респ. Бурятия, 2005. 296 с.
3. Байкал: природа и люди : энцикл. справ. / Байк. ин-т природопользования СО РАН. Улан-Удэ : ЭКОС : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 608 с.
4. Гатапов А. С. Монгольский исторический словарь : энцикл. справ. Улан-Удэ : [б. и.], 2008. 368 с.
5. Гумилев Л. Н. Три китайских царства. М. : Эксмо, 2014. 320 с.
6. Гумилев Л. Н. История народа хунну. В 2 кн. Кн. 1. М. : ДИ-ДИК, 1998. 448 с.
7. Гурулев С. А. Сотник-дипломат – Петр Бекетов // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». 2004. № 3. С. 9–18.

8. Карнышев А. Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий. Изд. 6-е. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 596 с.
9. Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2019. 544 с.
10. Китайская пейзажная лирика III-XVIII вв. М. : МГУ, 1984. 320 с.
11. Крофт А., Бьюкенен П. История Дальнего Востока. Восточная и Юго-Восточная Азия. М. : Центрполиграф, 2013. 571 с.
12. Малолетко А. М. Палеотопонимика. Томск : ТГУ, 1992. 264 с.
13. Мельхеев В. Н. По берегам Байкала. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1977. 166 с.
14. Миллер Г. Ф. История Сибири. В 3 т. Т. 1. Л. : АН СССР, 1937. 607 с.
15. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984. 653 с.
16. Поло М. Книга о разнообразии мира. СПб. : Азбука, 2018. 576 с.
17. Поэзия эпохи Тан VII–X вв.: перевод с китайского. М. : Худож. лит., 1987. 479 с.
18. Рожков М. «Глазковский некрополь» – удивительное рядом // Краевед Приангарья. 2017. № 2. С. 139–143.
19. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М. : Рос. полит. энцикл., 1993. 736 с.
20. Сибирские сказания. М. : Современник, 1991. 461 с.
21. Сокровенное сказание монголов. Улан-Удэ : Байкал-Гео, 2010. 207 с.
22. Станиловский А. М. Записки. Посмертное издание / под ред. А. В. Азелецкого. Иркутск : Тип. Товарищества печатного дела, 1912. 191 с.
23. Цветет мэйхуа. Классическая поэзия Китая в жанре цы. М. : Худож. лит., 1979. 426 с.
24. Цыбикдоржиев В. Б. Путь предков (Грамота-указ Петра Великого от 22 марта 1703 г.). Улан-Удэ : Респ. тип., 2014. 192 с.
25. Широкогоров С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Изд. 3-е. М. : Либроком, 2012. 136 с.
26. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.
27. Karnyshev A. Le lak Baikal, lieu-ressource pour un developpement de la personne et de la communaute, en harmonie avec la nature. L Ecole sans murs. Paris : L Harmattan, 2019. P. 101-113.
28. Karnyshev A. The Many Faces of Multilingual and Mysterious Baikal. Ulan-Ude : BSU, 2011. 604 p.
29. Patriotic attitudes impact on interethnic contacts of national identity and self-assessment / A. Karnyshev, O. Karnysheva, E. Ivanova, N. Gritskikh // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. P. 882–887.

References

1. Andrievich V.K. *Kratkij ocherk istorii Zabajkal'ja. Ot drevnejshih vremen do 1762 g.* [A brief outline of the history of Transbaikalia. From ancient times to 1762]. Moscow, Veche Publ., 2013, 288 p. (in Russian)
2. *Antologija Provala: istoricheskie materialy o katastroficheskom Caganskom zemletrjasenii 1862 g. – Provale na Bajkale* [Anthology of Failure: historical materials about the catastrophic Tsagan earthquake of 1862 – The Failure on Lake Baikal]. Comp. by E. V. Demin. Ulan-Ude, Administration of Kabansky district Rep. Buryatia Publ., 2005, 296 p. (in Russian)
3. *Bajkal: priroda i ljudi: jenciklopedicheskij spravocchnik. Bajkal'skij institut prirodopol'zovanija SO RAN* [Baikal: nature and people: encyclopedic reference. Baikal Institute of Nature Management SB RAS]. Ulan-Ude, EKOS, Publishing house of the BNC SB RAS, 2009, 608 p. (in Russian)
4. Gatapov A.S. *Mongol'skij istoricheskij slovar* [Mongolian Historical Dictionary]. Encyclopedic reference. Ulan-Ude, 2008, 368 p. (in Russian)
5. Gumil'jov L.N. *Tri kitajskih carstva* [Three Chinese kingdoms], Moscow, Eksmo Publ., 2014, 320 p. (in Russian)
6. Gumil'jov L.N. *Istorija naroda hunnu* [History of the Hunnu people]. In 2 books. Book 1. Moscow, Institute of Di-DIK Publ., 1998, 448 p. (in Russian)
7. Gurulev S.A. Sotnik-diplomat – Petr Beketov [Sotnik-diplomat – Pyotr Beketov]. *Izvestiya Architeurno-ethnographic Museum "Taltsy"*, 2004, no. 3. pp. 9-18. (in Russian)

8. Karnyshev A.D. *Bajkal tainstvennyj, mnogolikij i raznojazykij* [Baikal is mysterious, many-faced and multilingual. 6th ed. Irkutsk, IGU Publ., 2020, 596 p. (in Russian)
9. Kissindzher G. *Mirovoj porjadok* [World Order], Moscow, AST Publ., 2019, 544 p. (in Russian)
10. *Kitajskaja pejzazhnaja lirika III-XVIII vv.* [Chinese landscape lyrics of the 3rd–18th centuries], Moscow, Moscow State University Publ., 1984, 320 p. (in Russian)
11. Kroft A., B'jukenen P. *Istorija Dalnego Vostoka. Vostochnaja i Jugo-Vostochnaja Azija* [History of the Far East. East and South-East Asia], Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013, 571 p. (in Russian)
12. Maloletko A.M. *Paleotoponimika* [Paleotomatics]. Tomsk, TSU Publ., 1992, 264 p. (in Russian)
13. Mel'heev V.N. *Po beregam Bajkala* [On the shores of Lake Baikal], Irkutsk, East-Siberian Publishing House Publ., 1977, 166 p. (in Russian)
14. Miller G.F. *Istorija Sibir* [History of Siberia] In 3 vols. St. Petersburg, USSR Academy of Sciences Publ., 1937, vol. 1., 607 p. (in Russian)
15. Murzaev Je.M. *Slovar narodnyh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, Mysl Publ., 1984, 653 p. (in Russian)
16. Polo M. *Kniga o raznoobrazii mira* [Book about the diversity of the world], St. Petersburg, Azbuka Publ., 2018, 576 p. (in Russian)
17. *Pojezija jepohi Tan VII-X vv.: perevod s kitajskogo* [Poetry of the Tang era of the 7th–10th centuries: translated from Chinese]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987, 479 p. (in Russian)
18. Rozhkov M. “Glazkovskij nekropol” – udivitelnoe rjadom [“Glazkovsky necropolis” – amazing nearby]. *Local historian of the Angara region*, 2017, no. 2, pp. 139–143. (in Russian)
19. Seroshevskij V.L. *Jakuty. Opyt jetnograficheskogo issledovanija* [Yakuts. The experience of ethnographic research], Moscow, Ros. polit. encyclopediaya Publ., 1993, 736 p. (in Russian)
20. *Sibirskie skazanija* [Siberian legends]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 461 p. (in Russian)
21. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The secret legend of the Mongols]. Ulan-Ude, Baikal-Geo Publ., 2010, 207 p. (in Russian)
22. Stanilovskij A.M. *Zapiski* [Notes]. Posthumous edition. Comp., ed. by Azeletskiy A.V. Irkutsk, Type. Publishing Partnerships Publ., 1912, 191 p. (in Russian)
23. *Cvetjot mjejhua. Klassicheskaja poezija Kitaja v zhanre cy* [Meihua blooms. Classical poetry of China in the genre of Qi]. Moscow, Fiction Publ., 1979, 426 p. (in Russian)
24. Cybikdorzhiev V.B. *Put predkov (Gramota-ukaz Petra Velikogo ot 22 marta 1703 g.)* [The Way of the ancestors (Diploma-decree of Peter the Great of March 22, 1703)]. Ulan-Ude, Republican Printing House Publ., 2014, 192 p. (in Russian)
25. Shirokogorov S.M. *Jetnos: Issledovanie osnovnyh principov izmenenija jetnicheskikh i jetnograficheskikh javlenij*. Izd. 3-e. [Ethnos: A study of the basic principles of changing ethnic and ethnographic phenomena]. 3rd ed. Moscow, Librocom Publ., 2012, 136 p. (in Russian)
26. *Jazykoznanie. Bolshoj jenciklopedicheskij slovar* [Linguistics. A large encyclopedic dictionary]. Moscow, The Great Russian Encyclopedia Publ., 1998, 685 p. (in Russian)
27. Karnyshev A. *Le lak Baikal, lieu-ressource pour un developpement de la personne et de la communaute, en harmonie avec la nature* [Lake Baikal is a source of human and social development in harmony with nature. School without torment]. Paris, L Harmattan Publ., 2019, pp. 101–113. (in French)
28. Karnyshev A. *The Many Faces of Multilingual and Mysterious Baikal* [The diversity of Multilingual and Mysterious Baikal]. Ulan-Ude, BSU Publ., 2011, 604 p. (in Russian)
29. Karnyshev A., Karnysheva O., Ivanova E., Gritskikh N. Patriotic attitudes im-pact on inter-ethnic contacts of national identity and self-assessment [The influence of patriotic attitudes on inter-ethnic contacts of national identity and self-esteem]. *European works of social and behavioral sciences*, 2019, pp. 882–887. (in Russian)

Сведения об авторах**Карнышев Александр Дмитриевич**

доктор психологических наук, профессор,
заведующий, междисциплинарная
лаборатория психолого-экономических и
кросс-культурных исследований
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: ale3441@yandex.ru

Иванова Елена Александровна

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии образования и
развития личности
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: ea444@yandex.ru

Карнышева Ольга Александровна

кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии образования и
развития личности
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: borisovvla@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3623-619X

Information about the authors**Karnyshev Alexander Dmitrievich**

Doctor of Sciences (Psychology), Professor,
Head, Interdisciplinary Laboratory of
Psychological, Economic and Cross-Cultural
Studies
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: ale3441@yandex.ru

Ivanova Elena Alexandrovna

Candidate of Sciences (Psychology), Associate
Professor, Department of Psychology of
Education and Personality Development,
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: ea444@yandex.ru

Karnysheva Olga Alexandrovna

Candidate of Sciences (Psychology), Associate
Professor, Department of Psychology of
Education and Personality Development,
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: borisovvla@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3623-619X

Статья поступила в редакцию **18.06.2022**; одобрена после рецензирования **25.07.2022**; принята к публикации **26.08.2022**
The article was submitted **June, 18, 2022**; approved after reviewing **July, 25, 2022**; accepted for publication **August, 26, 2022**